

Сурнина Лидия Егоровна

ОБРАЗ ГЕРОЯ И ОБРАЗНОСТЬ В СТИХОТВОРЕНИИ И. А. КУРАТОВА "ТИМА, ДЕРТ НИН, П?РЫСЬ" ("ТИМА, КОНЕЧНО ЖЕ, СТАР")

В статье представлены результаты литературоведческого анализа стихотворения И. А. Куратова "Тима, дерт нин, п?рысь" ("Тима, конечно же, стар"). Особое внимание уделено анализу образа героя, поведение которого определено архаическим значением смеха и сквернословия, их воскрешающей и возрождающей силой. Принцип многоголосия, используемый коми поэтом, внутри монолога основного субъекта речи оказывается средством изображения центрального персонажа и его статуса в сельском коллективе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/2/49.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 187-190. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821. 511. 132.

Филологические науки

В статье представлены результаты литературоведческого анализа стихотворения И. А. Куратова «Тима, дерт нин, пöрысь» («Тима, конечно же, стар»). Особое внимание уделено анализу образа героя, поведение которого определено архаическим значением смеха и сквернословия, их воскрешающей и возрождающей силой. Принцип многоголосия, используемый коми поэтом, внутри монолога основного субъекта речи оказывается средством изображения центрального персонажа и его статуса в сельском коллективе.

Ключевые слова и фразы: образ героя; балагур; обрядовая функция смеха; поэтическое многоголосие.

Лидия Егоровна Сурнина

Сектор литературоведения

Институт языка, литературы и истории

Коми научный центр Уральского отделения Российской Академии наук

surinalida@mail.ru

ОБРАЗ ГЕРОЯ И ОБРАЗНОСТЬ В СТИХОТВОРЕНИИ И. А. КУРАТОВА «ТИМА, ДЕРТ НИН, ПÖРЫСЬ» («ТИМА, КОНЕЧНО ЖЕ, СТАР»)©

Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований УрО РАН № 12-и-6-2021 «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой трети XX в.»

Иван Алексеевич Куратов (А. И. Гугов, 1839-1875 гг.) – основоположник коми литературы, просветитель, ученый-лингвист, переводчик, литературный критик, собиратель и исследователь фольклора. При жизни и в течение нескольких десятилетий после смерти он был известен как поэт только узкому кругу людей. Поэтическое наследие И. А. Куратова стало доступным читателю в 20-30 гг. XX века, когда его стихотворения нашли своего публикатора в лице известного коми ученого А. С. Сидорова (Большие заслуги ученого в подготовке к публикации юбилейного двухтомника сочинений И. А. Куратова (1939 г.): «Художественные произведения» (1 том) и «Лингвистические работы» (2 том)) [4]. Известно, что часть куратовских произведений была утеряна, дошедший до нас корпус текстов составляют более двух сотен стихотворений, отрывки из поэм «Пасьяс синтöмлön» («Заметки слепого»), «Нимтöм поэма» («Поэма без названия»), «Ягморт» («Лесной человек»), «Пама», переводы, стихотворения детям, публицистические статьи и критические заметки, а также лингвистические работы – статьи и очерки.

«Тима, дерт нин, пöрысь» («Тима, конечно же, стар») является одним из программных стихотворений И. А. Куратова. В стихотворении, которое было написано поэтом в 1864 году в период его пребывания в Усть-Сысольске (в рукописях И. Куратова содержится указание на место написания стихотворения – «Сыктылдин» – так называли зыряне свою столицу), перед читателями возникает образ старика по имени Тима. Тима – сельский балагур. Он громко рассказывает смешные истории, а свои главные шутки произносит шепотом, вызывая смех у толпящейся вокруг него молодежи, и только робкие девушки ускоряют шаг и заливаются краской, проходя мимо старика. Образ коми крестьянина-балагура, созданного И. Куратовым в XIX веке, можно встретить и в коми литературе XX столетия: Сюзь Матвей – В. Савина, Николай Курочкин – Н. Дьяконова, Макар Васька – Г. Юшкова. Связывает всех этих героев такая общая черта характера, как любовь к шутке и острому слову.

Герой стихотворения И. Куратова на первый взгляд действительно кажется простым весельчаком, да и только:

Большö-кывберитö,
Абусö и эмсö
Öтилаö йитö.
Тима бызгас-бызгас,
А кор мыйкö вашкас,
Серамön зон брызгас.

Болтает-пустословит,
Быль и небылицу
Все в одно сплетает.
Тима все болтает,
А когда что-нибудь прошепчет,
Молодежь смехом брызнет.

(Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи).

В первых шести строфах стихотворения герой предстает как непритязательный старик-балагур, умеющий позабавить и развлечь окружающих. Здесь говорится исключительно о личных особенностях главного персонажа, раскрывающих черту характера, свойственную балагурам: *мыйкö излас нэмсö, большö-кывберитö, кытчö сйö пуксяс, дïнас том йöз шуксяс, Тима бызгас-бызгас, а кор мыйкö вашкас, серамön зон брызгас, кодï тöдас сöрö мый сэн пеж вом тайö* (что-то лепечет вечно, болтает-пустословит, куда бы он ни

сел, возле него молодежь все крутится, Тима болтает без умолку, а когда что-нибудь прошепчет, смехом молодежь брызнет, кто знает, какую брехню несет там его скверный рот). Представление о пустословии, болтовне героя создается использованием глаголов, имеющих изобразительно-выразительную природу: *излас* (лепечет вечно), *бользьд-кывберитд* (болтает-пустословит), *бызгас-бызгас* (болтает без умолку), *вашкас* (прошепчет), *кашкас* (запыхтит). Поэт как бы дает почувствовать нам характер речи Тимы, выражая, например, резкость и дерзновенность речи в громких согласных *б, з, г, р* (сюда можно отнести и глагол *брызгас*, выражающий громкий и дружный хохот молодежи: *серамдн зон брызгас*), приглушенные звуки – в шипящем согласном *ш* (*вашкас (прошепчет), кашкас (запыхтит)*). С этой точки зрения интересна четвертая строфа стихотворения, состоящая из глагольной рифмы: *бызгас – вашкас – брызгас – кашкас*. Именно в их выборе сказанся некоторый звукоподражательный элемент передачи речевого звучания, в том числе и характера поведения героя: громко рассказывает какие-то забавные и потешные истории, шутки же вольного характера на счет проходивших мимо молодых девушек он произносит шепотом, при этом вызывая оглушительный смех парней:

Тима *бызгас-бызгас*,
А кор мыйкд *вашкас*,
Серамдн зон *брызгас*,
Ачыс сдмын *кашкас*.

Тима все болтает без умолку,
А когда что-нибудь прошепчет,
Смехом молодежь брызнет,
Сам только лишь запыхтит.

Размышляя о месте таких людей в традиционном обществе, как, например, куратовский Тима, В. Я. Пропп отмечает, что люди, одаренные остроумием и способностью смеяться, есть во всех классах общества. Они не только сами умеют смеяться, но умеют и забавлять других. Появление таких людей сразу же вызывает веселое настроение. Таким людям характерен некоторый оптимизм, смешанный со всегдашней, неунывающей оживленностью, которая заряжает окружающих [3, с. 29-30].

Напомним, что в стихотворении главный герой – Тима, окруженный сельскими парнями, подшучивает и подтрунивает исключительно над молодыми девушками, вызывая особую веселость у первых: *Тима болтает без умолку, А когда что-нибудь прошепчет, Смехом молодежь брызнет. А сам только запыхтит. Если девушка там пройдет, Шаг быстро ускорит, Саму, светлоликую Даже смущенье обжигает*. Следует обратить внимание на такую деталь характеристики главного героя, как «*пеж вом*» – буквально «грязный рот», т.е. сквернословящий; человек, речь которого наполнена неприличными выражениями и непристойными словами: *Кодд тддас, сдрд Мый сэн пеж вом тайд* (кто знает, какую брехню несет там его скверный рот). Именно сквернословные шутки старика, адресованные к молодым девушкам, вызывают смех у парней: *а кор мыйкд вашкас, серамдн зон брызгас*. По словам О. М. Фрейденберг, срамословие и срамные действия соответствуют актам плодородия. А смех на самых ранних стадиях культуры был одновременно связан с жизнью, рождением, спасением, с одной стороны, и со смертью, убийством, концом, с другой стороны. Архаичный смех тесно связан с идеей круговорота времени – вечным повторением и возвращением. Эти представления базируются на связи смеха с землей, одновременно поглощающим началом и рождающим, возрождающим [6, с. 102].

Случай актуализации древних символических значений смеха и сквернословия в коми литературе описан В. А. Лимеровой в ее статье о дилогии В. А. Савина «Райын» («В раю») и «Инасьтдм лов» («Неприкаянная душа»). Анализируя специфику персонажного мира дилогии, исследовательница отмечает особую прикрепленность функции осмеивания к действующим лицам, олицетворяющим собой воспроизводящее жизнь начало: «Смех считался наиболее действенным, если его объектом становилось существо, способное рожать либо влиять на рождение» [2, с. 31].

Основываясь на данные высказывания, можно сказать, что балагурство свойственно куратовскому герою не только как личная черта. У Тимы так же, как у Сюзь Матвея из дилогии В. Савина, есть строго определенная функция, и поведение его связано с древней и очень серьезной функцией смеха: осмеивая возрождать.

Вторая часть стихотворения «рисует» другую часть жизни старого Тимы. Здесь он показан человеком с серьезными жизненными установками, у которого всегда натоплена печь, он не пьяница и не курит табак, не умеет он обманывать и воровать: *Мый весьшдрд и шуны, оз бара куж Тима пдрьявны ни гунны – медся на бур нима! Сы ордьсь на нзмдн омдль эз вdv петдм. Оз мун йдзд мдгдн, пыр нин ломтдм пачыс, оз тдд кднд кабак, оз ю табак* (Что зря и говорить, не умеет Тима обмануть и украсть – с самым добрым именем! От него за целый век ничего плохого не было. Не пойдет он к людям от нужды, у него всегда натоплена печь, не знает, где кабак, не курит). Из выше сказанного мы видим, что индивидуальная характеристика героя дополняется социальной характеристикой жизни коми крестьянина. Поэт подчеркивает тот образ жизни, который свойственен в целом сельскому жителю.

Тима – балагур, шутник и Тима – трудолюбивый, добрый, душевный человек – вот две взаимодополняющие стороны воссозданного И. Куратовым образа героя: балагурство, оптимизм помогают честно трудиться ему и не знать нужды. *Оз мун йдзд мдгдн* (не пойдет он к людям от нужды) – говорит о нем поэт. Тима – хозяин, в его доме – изобилие (*пыр нин ломтдм пачыс*), закрома его набиты не пылью и пустотой, а как у добротного хозяина – хлебом (*абу бара йдртдд сылдн жуиддн тыртдм*):

Оз мун йöзö мoгöн,
Пыр нин лoмтöм пачыс.
Мый весышöрö шуны,
Медся на бур ним!

Не пойдет он к людям от нужды,
И всегда у него печь нaтoплeнa.
Что зря и говорить,
С самым добрым именем!

Следует отметить, что стихотворение «Тима, конечно же, стар» построено по принципу многоголосия, что также направлено на раскрытие образа главного персонажа. Поэтическое многоголосие характеризуется наличием нескольких субъектов сознания, которые оформлены одним субъектом речи [1, с. 156-157]. Так, в стихотворении характеристика Тимы принадлежит в основном автору-повествователю. Однако некоторые строки стихотворения при формальном сохранении того же субъекта речи включают в себя манеру речевого поведения героев повествования, т.е. в тексте повествователя появляются элементы чужой речи, характерные то для одного, то для другого персонажа. Весь текст стихотворения был бы вполне уместен в устах, например, какого-нибудь крестьянина-односельчанина Тимы в качестве непринужденного рассказа, окрашенного доверительной интонацией, о своем соседе: *Тима, дерт нин, пöрысь, Арлыдсö нин воштöм. Кодí тöдас, сöрö Мый сэн пеж вом тайö. Оласногөн Зев шань эськö ачыс. Оз тöд көнi кабак, Чуньлыскысь пö юö. Мый весышöрö шуны, Оз бара куж Тима Пöръявны ни гунны* (Тима, конечно же, стар, Не знает, сколько ему уж лет. Кто его знает, несет брехню, что там скверный рот он. По жизни неплохой он сам. Не знает, где кабак, С наперстка, говорят, пьет. Что попросту говорить, не умеет Тима обмануть и украсть).

Каждое иноречевое включение вводит в стихотворение нового условного героя и контурно изображает целую ситуацию. Так, например, третья строфа стихотворения приобретает форму диалогости двух персонажей, хотя в тексте диалог графически и не выражен:

Кытчö сийö пуксяс,
Куль кө кыскö сэтсьö!
Дíнас том йöз шукаяс!

Куда бы он ни сел,
Бес как будто тянет туда!
Возле него молодежь все крутится!

«Куда бы он ни сел, Бес как будто тянет туда! Возле него молодежь все крутится» – так мог бы иронично сказать о Тиме ровесник героя. А дальше следующий стих: *Сы динö пö петсьö* (К нему, они говорят, тянет) – формально можно отнести к ответному слову молодого парня. О передаче чужой речи свидетельствует использование частицы *пö*. В коми языке, как и в русском, существуют особые слова, выполняющие функцию кавычек, т.е. вводящие прямую речь и отмечающие вообще границу чужого текста: в русской речи такую роль играют слова (частицы): «мол», «де», «дескать»; в коми их аналогами являются – «*пö*», «*шудö*».

С этой точки зрения своей субъектной организацией интересны восьмая и девятая строфы стихотворения. Приведенный отрывок содержит слова *пö*, *шудö*, также создающие эффект передачи чужой речи: *Абу бара йöртöд Сылөн жугийөн тыртöм; Быдсö иган, көртöд – Сьöмыс пö тай быртöм* (Нет Даже замка, за движки – Говорит, деньги нескончаемы), *Оз тöд көнi кабак, Чуньлыскысь пö юö Кывтас; Оз ю табак, Ныр-вом ляссьö, шудö* (Не знает, где кабак, С наперстка, говорят, пьет, Не потягивает табак, Лицо пачкается, говорит). Эта краткая характеристика героя может принадлежать и ему самому, хотя в данном случае его личные слова о себе передает читателю повествователь. Происходит совмещение высказываний, принадлежащих и самому говорящему, и тому, про кого он говорит. Или же можно говорить о том, что повествователь приводит мнение о Тиме сельского коллектива, хорошо знающего старика. Но и в этом случае герой представлен в своей речевой манере, передаются его личные чувства и мысли, при этом угадывается характерный для этого героя текст, именно от его лица и его интонацией произнесена фраза: *деньги у меня нескончаемы, не курю табак, потому что лицо пачкается*.

Строки: *Кодí тöдас, сöрö Мый сэн пеж вом тайö* (Кто его знает, несет брехню Что там скверный рот он) - звучат в стихотворении двойственно:

– в сочетании с предыдущими строками: *Ныв кө сэтi мунас, Асьсö... Быдсөн яндзим сотас* (Если девушка там пойдет, Её... Смущенье обжигает) - могут быть восприняты как выражение мыслей молодых девушек;

– а в связи с последующими строками: *Енногаяс шöрö Сийöс, дерт, он вайö* (К людям, подобных богу Его, конечно, не приведете) – как выражение точки зрения, принадлежащей «енногаяс» (букв. перевод: людей, почитающих Бога).

Текст строится так, что читатель попеременно занимает точку зрения разных персонажей стихотворения. В результате образ героя складывается из совокупности разных характеристик и оценок, данных ему и повествователем, и сельским коллективом, что делает его необыкновенно объемным. Сельский персонаж, который поверхностному взгляду мог бы показаться отрицательным, у И. Куратова оказывается по-своему обаятельным и колоритным. В стихотворении присутствуют эмоционально разные оценки героя, но все вместе они подтверждают значимость старика в сельском обществе. Прием многоголосия, в которое подключен и голос повествователя, раскрывает его способность взглянуть на людей изнутри этого общества. Повествователь говорит о герое на правах давнего знакомого, имевшего возможность наблюдать этого человека на протяжении всей его жизни, или, во всяком случае, достаточно долго для того, чтобы судить об устойчивых свойствах его характера и поведения.

В заключение еще раз отметим, что поведение героя в стихотворении определено архаическим значением смеха и сквернословия. Обрядовый смысл поведения героя принадлежит к авторской интенции. Сам

персонаж не задумывается над древним значением своих шуток, слов и поступков. В отличие от героев стихотворений «Голь зон» («Парень-бедняк») и «Грездса ныв карса баринлы» («Деревенская девушка городскому барину») [5] Тима и окружающие его люди не говорят от своего имени, т.к. их включенность в традицию имеет непосредственный, внелогический характер. И именно в этой ситуации «на помощь» автору приходит повествователь, хорошо знающий изображенных людей. Принцип многоголосия, используемый И. Куратовым внутри монолога основного субъекта речи, оказывается средством изображения не только центрального персонажа стихотворения, но и его статуса в деревне. Его оценочные суждения не противостоят оценкам, данным Тиме другими героями (или даже совпадают с ними). Повествователь является частью крестьянского общества, и его голос – это один из голосов в многоголосии, в «народном хоре». Таким образом, герой оценивается не только повествователем, но и крестьянской средой.

Список литературы

1. **Корман Б. О.** Поэтическое многоголосие // Лирика Некрасова. Ижевск, 1978. С. 155-187.
2. **Лимерова В. А.** Над чем смеется зритель в комедиях Нёбдинса Виттора? // III Савинские чтения: материалы республиканской научно-практической конференции (Сыктывкар, 20-21 ноября 2003 г.). Сыктывкар, 2005. С. 25-33.
3. **Пропп В. Я.** О тех, кто смеется и кто не смеется // Проблемы комизма и смеха. СПб., 1997. С. 27-35.
4. **Сидоров А. С.** Тодлыгём коми гижысь И. А. Куратов (Неизвестный коми поэт И. А. Куратов) // Парма ёль (Лесной ручей). 1923. № 1-2. С. 18-20.
5. **Сурнина Л. Е.** Аспекты народного характера в стихотворениях И. А. Куратова «Голь зон» («Парень-бедняк») и «Грездса ныв карса баринлы» («Деревенская девушка городскому барину») // Финно-угроведение. № 2. 2012. С. 59-68.
6. **Фрейденберг О. М.** Земледельческие обряды смеха // Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 102-105.

**IMAGE OF HERO AND FIGURATIVENESS
IN POEM BY I. A. KURATOV “ТИМА, ДЕРТ НИН, ПЁРЫСЬ” (“ТИМА IS CERTAINLY OLD)**

Lidiya Egorovna Surnina
Sector of Literary Criticism

Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Centre of Ural Department of Russian Academy of Sciences
surninalida@mail.ru

The author presents the results of literary analysis of the poem by I. A. Kuratov “Тима, дерт нин, пёрысь” (“Tima is certainly old”), pays special attention to the analysis of hero’s image, whose behaviour is determined by the archaic meaning of laughter and profanity, their resurrection and regenerating force, and concludes that the principle of polyphony used by Komi poet inside the main monologue of the speech subject is the means of the representation of central character and his status in village group.

Key words and phrases: hero’s image; joker; ritual function of laughter; poetic polyphony.

УДК 81(470.64)

Филологические науки

В статье исследуется эмотивная семантика кабардино-черкесского языка. Присутствие эмотивности в значениях слов может быть различным, в связи с чем автор определяет основные случаи ее проявления. Эмотивность не следует рассматривать только как речевой феномен, это достаточно определенная языковая единица, закреплённая в словаре.

Ключевые слова и фразы: эмотивность; дополнительное эмотивное значение; зоонимы; деривационные образования; денотативный макрокомпонент; аффективы; синонимические пары; фразеологизмы; лексико-семантическая система кабардино-черкесского языка.

Мадина Хасанбиевна Токмакова, к. филол. н., доцент
Сектор кабардино-черкесского языка
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
tokmak_madina_h@mail.ru

**РОЛЬ ЭМОТИВНОСТИ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА[©]**

Взаимодействие эмотивной семантики с самой подвижной, неустойчивой сферой психики человека – с эмоциями – объясняет определенные трудности, возникающие при ее исследовании. Предельного числа эмоций не установлено, соответственно, и разновидности эмотивных значений также до конца не определены. Сам факт существования эмотивного значения в языке признают не все лингвисты. Изучение данного вопроса включает ряд проблем, одной из которых является степень присутствия эмотивности в значениях слов. По определению В. И. Шаховского, известного специалиста по проблемам эмотивной лексики,